

ИСЛАМ И ФИЛОСОФИЯ

Ответственный за рубрику:

© Исламоведение, 2017. Том 8, № 2 (32)

Онлайн-доступ к журналу:
<http://islam.dgu.ru>

ISLAM AND PHILOSOPHY

Person in charge of the section:

© Islamic Studies (Islamovedenie), 2017. Vol. 8, № 2 (32)

Online access to the journal:
<http://islam.dgu.ru>

УДК 41.412:141.411

Содержание статьи

Информация о статье

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-2-5-18

[К.М. Магомедов¹](#)

Введение
Что предпочтительнее: монотеизм или политеизм?
Содержательные различия между монотеизмом и политеизмом
Заключение

Поступила в редакцию: 27.12.2016.
Передана на рецензию: 27.12.2016.
Получена рецензия: 25.01.2017.
Принята в номер: 24.03.2017.

Монотеизм vs политеизм?

[Дageстанский государственный университет](#), magomedov49@mail.ru

В статье даётся сравнительный анализ монотеизма и политеизма как понятий, по которым проводится классификация религий. Перечисляются некоторые отличительные признаки монотеизма и политеизма, раскрывается условность этого разделения, а также их преимущества и недостатки. Автор подробно останавливается на истории монотеизма и политеизма, дает их оценку с позиции восходящего и нисходящего векторов общественного и духовного развития. Критикуется достаточно распространенная установка, согласно которой монотеизм связывается с культом одного Бога, а политеизм – с многобожием. В статье раскрывается специфика исламского монотеизма, особенно в философии вуджудитов, в учении аль-Араби, обосновывается некорректность некоторых устоявшихся штампов в теории и истории монотеизма и политеизма, дается их современная интерпретация с позиций многополярного мультикультурализма. Через действие механизмов инклюзивности проводится сравнительный анализ основных авраамических религий: иудаизма, христианства и ислама, традиционно считающихся монотеистическими.

Ключевые слова: *религия, монотеизм, политеизм, иудаизм, христианство, ислам, инклюзивность.*

UDC 41.412:141.411

The content of the article

Information about the article

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-2-5-18

[К.М. Магомедов²](#)

Introduction. Man in the maze of monism and pluralism.
Which is preferable: monotheism or polytheism?
Substantial differences between monotheism and polytheism.
Conclusion. Is there a vector of climbing in the religious dynamics?

Received: 27.12.2016.
Submitted for review: 27.12.2016.
Review received: 25.01.2017.
Accepted for publication: 24.03.2017.

Monotheism vs polytheism?

¹ [Камиль Магомедович Магомедов](#) – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания ДГУ.

² [Kamil Magomedovich Magomedov](#) – Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Ontology and Theory of Knowledge of DSU.

Dagestan State University, magomedov49@mail.ru

The article presents a comparative analysis of monotheism and polytheism as the two basic concepts for religions classification. The author specifies the main features of monotheism and polytheism, reveals the conventionality of this division, as well as its advantages and disadvantages. Further, the author dwells on the history of monotheism and polytheism, gives their assessment from the standpoint of the ascending and descending vectors of social and spiritual development. A common view, according to which monotheism is associated with the cult of one god and polytheism with many gods is criticized. The author discusses the specificity of Islamic monotheism, especially in the philosophy of Wujudiyah and in the teachings of al-Arabi, points at the incorrectness of some established views in the theory and history of monotheism and polytheism and provides their interpretation from the standpoint of multipolar multiculturalism. With reliance on the idea of inclusiveness, the major Abrahamic religions - Judaism, Christianity and Islam that are traditionally viewed as monotheistic - are compared.

Keywords: *religion, monotheism, polytheism, Judaism, Christianity, Islam, inclusiveness.*

Введение

Монизм стал направляющей матрицей для всей цивилизации, и западной, и восточной. Не будет преувеличением сказать, что современная цивилизация, пожалуй, исключая стратегию постмодернизма, в основном организована по типу монистической культуры. Речь тут идет не только о монотеизме, мы можем говорить о более широком явлении – монизме как определяющем коде современного человечества. А монотеизм – это только одно из проявлений и отражений этого вселенского цивилизационного монизма. Он проявляется буквально во всем: и в полярности современного мира, и в стратегиях экономического развития, в которых приоритет дается или рыночным, или плановым механизмам. Он также отражается в разделении мировоззренческих ориентаций на материалистические и идеалистические, на эмпиризм и рационализм, сциентизм и антисциентизм и т. д. Этот монизм, правда под маской дуализма, отражается и в господствующей логике с ее законами противоречия и «исключенного третьего», суть которых сводится к следующему: А или не-А, третьего не дано. Этот монизм проявляется в дихотомичности нашего мышления, в абсолютизации какой-то одной конструкции мироздания, когда она объявляется определяющей, ведущей и единственно правильной.

Монизм, в чем бы он ни проявлялся и ни выражался, означает одномерное видение мира и человека: один бог, одна сущность, одна истина, одна идеология, одна научная парадигма, одна модель образования и воспитания. Он может проявляться где угодно и как угодно: и в религии, и в политике, и в философии, и даже в практике повседневного общения. На этом пути происходит ограничение всякого инакомыслия, да и вообще всякой «инаковости», для всех их проявлений ставятся физические, идеологические и эмоциональные, реальные и виртуальные барьеры. На этом пути формируется «одномерный человек», если использовать терминологию Г. Маркузе.

Согласно концепции современного либерализма, превыше всего в иерархии общественных ценностей должен находиться человек и его свобода. Уважать свободу каждого отдельного человека, по-видимому, означает для нас сегодня, что вопрос об истине решается не кем-то сверху; он вообще не может быть сформирован и сформулирован таким внешним образом. Истина всегда и во всем – предмет споров. Попытка навязать всем нечто, что представляется истиной для части граждан, понимается как порабощение совести: такое понятие истины соотносится с нетерпимостью и недемократичностью. Иначе говоря, современное понятие демократии неразделимо связано с относительностью, с релятивизмом. Причем

релятивизм выступает подлинной гарантией свободы, напрямую касается ее сущностного центра – свободы вероисповедания и совести [9, с. 6].

Что предпочтительнее: монотеизм или политеизм?

Поднятая нами проблема соотношения религиозного монотеизма и политеизма прямо связана с глобальными вопросами либерализма, плюрализма и релятивизма во всех мировоззренческих вопросах, определяющих познавательное и оценочное отношение современного человека к миру и к себе.

Необходимо отметить, что вызывает вопросы не само деление всех религий на монотеистические и политеистические, что в целом оправдано, а их ценностное восприятие, когда монотеизм рассматривается как находящийся на более высокой ступени развития, оценивается со знаком плюс как более отвечающий восходящему вектору общественного и духовного развития. Политеизм же представляется как феномен, отражающий нисходящий вектор развития, преодоленный историей, мифологический и языческий период социальной и духовной динамики. Подобное отношение к монотеизму и политеизму является общей чертой всех религий откровения. Особенно крепкие позиции у монотеизма в исламе. Для других религий, объявленных монотеистическими, на каждом шагу встречаются отступления; в иудаизме это уже ощущается с первой главы книги Бытия, где говорится о сотворении Богом человека по своему образу и подобию. В христианстве символика Троицы раз и навсегда уводит сознание от жесткого монотеизма.

Нас не совсем удовлетворяет существующая традиция разделения всех религий на монотеистические и политеистические, особенно там, где в список первых включается только иудаизм, христианство и ислам, а остальные считаются политеистическими. Во-первых, все мы хорошо знаем, что «чистые» формы – это абстракции, познавательные конструкторы, которые в реальности не встречаются. Это касается в том числе и вышеназванного разделения. Не секрет, что любой вид монотеизма складывается из огромного количества упорядоченных определенным образом сущностей: ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, пророков и т. д. Если под религией понимать духовную конструкцию, построенную на разделении мира на естественный и сверхъестественный, то всякое разделение религий на монотеистические и политеистические теряет смысл.

Во-вторых, не надо забывать о том, что сама монистическая культура во многом сформировалась не на религиозной основе, а в греко-римской философской среде. Иудейство, христианство, а впоследствии и ислам были бы невозможны без монистически ориентированной эллинистической культуры и философии, связанной с материалистическими и идеалистическими векторами мировоззрения. Именно здесь произошло разделение двух важнейших векторов постижения мира и себя в этом мире – познания и спасения, избавления от мирового зла, без которых невозможен подлинный монотеизм. Разделение с целью их последующего объединения, что становится прерогативой единого бога.

В-третьих, некорректно утверждать, что монотеизм – это единобожие. Ни в одной религии и нигде однозначно не встречается такая количественная формулировка. Даже в исламе, где подчеркивается, что нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммед пророк Его, речь идет лишь о необходимости поклоняться только Ему. Везде говорится о признании и поклонении человека, народа той или иной религии во главе с определенным богом. Скорее, даже наоборот, и иудеи, и христиане, и мусульмане признают пророков друг друга, но при этом подчеркивают, почему и как нужно поклоняться одному. Поскольку родословная всех монотеистических религий начинается с иудаизма, приведем аргументы. В Ветхом Завете мы читаем: «Не последуйте иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг вас» [1, Втор. 6:14]. На этом же настаивает самая главная заповедь иудаизма: «Да не будет у тебя

других Богов пред лицом моим» [1, Исх. 20:3; Втор. 5:7]. Да и сама символика заключения завета с определенным Богом предполагает, что есть и другие божества. При отсутствии других богов смысл самого заключения завета теряется. Не случайно Моисей обращается к своему Богу: «Кто, как ты, Яхве, между богами?» [1, Исх. 15:1]. А не менее авторитетная фигура иудаизма Соломон утверждает: «...велик Бог наш, выше всех Богов» [1, Пар. 2:5]. В своем послании к князю аммонитян израильский судья Иеффай заявляет: «Не владеешь ли ты тем, что дал тебе Хамос, Бог твой? И мы владеем всем тем, что дал нам в наследие Яхве, Бог наш» [1, Суд. 11, 24].

Ислам, как мы убеждаемся, в этом ряду не является исключением, хотя он представляет собой наиболее последовательный монотеизм. Монотеизм ислама проявляется вовсе не в том, что он отрицает другие религии и их пророков, а в требовании поклонения только одному Аллаху. И малейшее отступление от него рассматривается как недопустимый, непростительный отказ от канонов вероучения. Но разве не в этом состоит суть любой религии? «Мы ниспослали тебе Писание во истине. Поклоняйся же Аллаху, очищая перед Ним веру. Воистину, чистая вера может быть посвящена одному Аллаху» [3, 39:2–3]. И подобных аятов в Священном Коране очень много. Их суть заключается в том, что поклонения заслуживает только один Аллах, и всё то, чему поклоняются помимо Него, является тагутом. И Всевышний сказал: «Это потому, что Аллах является Истиной, а всё, к чему взывают помимо Него, является ложью» [3, 31:30], а также Всевышний Аллах, перечислив 18 пророков, сказал: «Но если бы они приобщили сотоварищей, то стало бы тщетным всё, что они совершали» [3, 6:88]. Таким образом, чтобы наше поклонение было принято Аллахом, мы должны искренне Ему поклоняться, не придавая Ему сотоварищей, т. е. не совершая ширка (многобожия), несовместимого с исламом.

В данном аспекте оценки сути монотеизма нам представляется достаточно здоровой позиции известного иранского философа Муртаза Мутаххади. Он выделяет четыре важнейших аспекта монотеизма, а именно:

1. Сущностный монотеизм – признание первопричинности, единства и самодостаточности Бога, отсутствие у Него потребности в чем-либо или ком-либо. Поэтому Он может быть представлен только в единственном числе.

2. Атрибутивный монотеизм – согласно которому Господь обладает всеми совершенными признаками, самые достойные имена и самые возвышенные определения принадлежат Ему. Он Всемогущий, Всеведущий и Всевидящий, Всемилолюбивый, Всепрощающий и Справедливый. И нет такого совершенного качества, которого не было бы у Него. И эпитеты, употребляемые применительно к Богу, не ограничивают Его бесконечную сущность, а потому не противоречат этой сущности и не являются недопустимой для ислама антропоморфизацией Всевышнего.

3. Монотеизм действий – означающий, что мир со всеми своими причинно-следственными зависимостями произведен от Его действий и воли.

4. Монотеизм в поклонении – являющийся, как мы отмечали выше, наиболее существенным признаком единобожия. Это связано с тем, что три первых пункта являются составляющими так называемого теоретического монотеизма, в то время как монотеизм поклонения предполагает практические поступки и действия.

Теоретический монотеизм – это созерцание совершенства, а практический монотеизм – движение в сторону совершенства. В первом случае мы осознаем единство Бога, а во втором случае мы воплощаем осознание этого единства в свою жизненную практику [6].

Обе метрики монотеизма взаимно дополняют друг друга. С одной стороны, теоретический монотеизм не только составляет основу и фундамент практического

единобожия, но и сам по себе является духовным – возможно, даже высшим духовным – совершенством, ибо возводит человека к Истине, к Богу, давая ему высшую законченность. С другой стороны, все признаки теоретического монотеизма, если они не связаны с поклонением и реальными действиями, остаются неполными и незавершенными, не закрепленными духовной практикой.

В свете сказанного представляется некорректной позиция, согласно которой различие между монотеизмом и политеизмом проводится исключительно исходя из количества богов: монотеизм – это один *Бог*, а политеизм – это много богов. Наверное, это не самое важное отличие между ними. Как совершенно справедливо отмечает известный французский философ Жан-Люк Нанси, монотеизм определяется не количеством богов, не столько тем, что на место многих богов был поставлен один. Водораздел между ними состоит в другом. В политеизме «множественность богов соответствует их эффективному присутствию (в природе, образе, одержимом духе)», что формирует «отношения силы, угрозы или помощи, которые религия организует через комплекс своих мифов и обрядов». Монотеизм же, основываясь на принципе единичности Бога, рассматривает его в модусе отсутствия, тем самым разрушая теизм: «то есть присутствие силы, которая объединяет мир и обеспечивает его смысл» [7]. Таким образом, если исходить из принятых им терминов присутствия и отсутствия, то получается, что в строгом монотеизме присутствие бога действительно только для мира сакрального, потустороннего; в этом же мире дается лишь присутствие «идола», отказ от которого, несомненно, является важнейшим генерирующим мотивом всей авраамической традиции. А это уже само по себе разрушает всю традиционную конструкцию монотеизма.

Поэтому, как он утверждает, последовательный монотеизм является, в сущности, атеизмом. В итоге делается абсолютно проблематичным само имя «бога» – монотеизм делает его ничего не значащим – а главное, отбирает у него силу что-либо гарантировать. Христианская гарантия может иметь место только ценой категории, полностью противоположной категории религиозного верования: категория «веры», которая является верностью отсутствию и ее уверенностью в отсутствии любой гарантии. В этом смысле атеист, который решительно отказывается от любой искупительной гарантии, парадоксальным или странным образом ближе к вере, чем «верующий». Но это также означает, что атеизм, который ныне структурирует Запад, который присущ его способу знания и существования, сам является реализованным христианством [7].

Действительное отличие монотеизма и политеизма связано не столько с количеством Богов, сколько с их, если можно так выразиться, статусом. Множественность богов способствует их эффективному присутствию во всех структурах мироздания и эффективной организации человеческого опыта, которые религия реализует через комплекс своих мифов и обрядов. Единичность Бога, напротив, означает уход этого Бога из реального бытия людей в сферы небесного, сверхъестественного. Становится также очевидным, что политеизму вообще незнаком атеизм как форма отрицания Бога. Можно сказать, что до монотеизма атеизма не существовало. Я бы сказал, что атеизм – это крайняя форма монотеизма, когда вообще отрицается поклонение чему-либо.

В плане оценки подлинной сути монотеизма и специфики его проявления в исламе важной представляется мировоззренческая и онтологическая концепция суфийской философии, а особенно учение вуджудитов об абсолютном единстве всего сущего в Боге. В теистической и онтологической концепции вуджудитов Бог отождествляется с Единой и одновременно множественной реальностью. Он, с одной стороны, выражает «чистое бытие»; с другой, одновременно являет собой единство в многообразии через множество отдельных форм конкретного бытия.

Как отмечают исследователи, на место традиционного теистического, теологического монизма (*таухид улухи*) вуджудитами ставится онтологический монизм (*стахид вуджуди*). Таким образом, формула теологического монизма «нет Бога, кроме Аллаха» заменяется формулой «нет бытия, кроме Аллаха». Следовательно, если первые отрицают всякую множественность и атрибутивность Бога, утверждая Его единосущность и единственность, то вторые считают, что эта божественная единосущность проявляется в богатстве проявленности и множественности бытия. Поэтому привычный религиозный монотеизм в вуджудизме преобразуется в «моноонтизм», или «онтический монизм», утверждающий единство всего в Боге и через Бога. Таким образом, бытие мира и есть бытие Бога, они неразделимы, поскольку Бог – это мир в его целостности и множественности [13, с. 169–176].

Конечно, сказанное в отношении позиции вуджудитов не дает никаких оснований оценивать ее как признание ими пантеизма как мировоззренческого кредо, ведущего к отрицанию монотеизма, как часто представляют. Это означало бы, что их следует относить к категории неправедных людей, отошедших от пути Аллаха; в лучшем случае, их относили бы к мутазилитам, занимающим промежуточное положение между правоверными мусульманами и неверующими. Мы считаем, что вуджудиты, особенно ибн-Араби, попытались раскрыть сложную диалектику сущности и существования, оставаясь при этом в пределах исламского монотеизма. Новизна же позиции состояла в следующем: если в господствующей в то время арабо-мусульманской традиции в соответствии с духом исламской догматики Бог как единое первоначало противопоставлялся множественности бытия, то у вуджудитов единое и сущее предстоят в неразделимом диалектическом двуединстве.

Эта позиция нами оценивается не как пантеистическая, особенно в Спинозовском духе, а как монотеистическая, хотя бы потому, что в вуджудизме генетически первичное существование Бога-творца в соответствии с духом классического ислама сохраняется неизменно. Речь же, скорее, у них идет о функциональном единстве Бога и Его творений, где Бог и сущее составляют нерасторжимое диалектическое единство.

Тут мы вплотную подходим к другой философской проблеме – о различиях между реальным «физическим», генетическим и функциональным детерминизмом в науке и теологии, о чем мы писали в ряде статей³. Поэтому отсылаем читателя к ним. Получается, что исламская философия задолго до европейской культуры и философии науки, если не концептуально, то на интуитивном уровне уловила различие между этими видами детерминизма.

Нам представляется, что распространенная в религиоведении точка зрения, согласно которой вся религия построена на механизмах индетерминизма, не совсем верна. Да, символические религиозные конструкции не укладываются в «прокрустово ложе» физического или материалистического детерминизма; генетические же зависимости, тем более функциональные зависимости – общая черта всего бытия, материального и духовного, реального и виртуального, актуального и потенциального. Религия не является в этом перечне исключением.

Мы также знаем, что многие ученые, такие, как суфии Баязид Бистами, Мансур Халладж и другие, впадали в атеизм, поскольку считали, что человек через полное единение с Богом и растворение в Боге приобретает божественные атрибуты. И тем

³ См.: [Магомедов К.М. О некоторых некаузальных формах детерминизма. Статья первая // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 5. – С. 233–237;](#) [Магомедов К.М. О некоторых некаузальных формах детерминизма. Статья вторая // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – Вып. 5. – С. 206–214.](#)

самым Бог переставал быть объектом поклонения. За это они подвергались гонениям со стороны ортодоксального ислама. Например, Халладж в Средние века, следуя Иисусу, провозгласивший крамольный и считавшийся атеистическим тезис «я есмь истина», был жестоко казнен.

Конечно, такой «мягкий» атеизм этих суфиев, если можно так выразиться, далеко не равен, например, воинствующему атеизму советского общества. Мы это хорошо на себе почувствовали и знаем, к чему в конечном итоге приводит такой государственно узаконенный атеизм. За примерами далеко ходить не надо: вместе с ним всегда приходит тоталитаризм, тирания и раболепство, а монотеизм, таким образом, на корню самоуничтожается и отрицается.

Если дальше развивать эту идею, то получается, что принятые повсеместно критерии различения между монотеизмом и политеизмом не столь существенны, особенно если исходить из вышеизложенной «неколичественной» метрики измерения Бога.

Необходимо выделить еще один интересный момент. Как отмечают некоторые исследователи, в частности Маймонид, да и все представители апофатического (отрицательного) богословия, количественный подход, т. е. утверждения «один Бог», «много Богов» – это недопустимое для ислама наделение Бога определенными атрибутами и признаками, антропоморфизация Бога и скрытая форма придания Богу сотоварищей. Ведь понятия «один», «несколько» или «много» – это не что иное, как логическая «предикация» Бога, наделение Его конкретными положительными признаками, а тем самым – попытка Его опредмечивания [5].

Может, поэтому со времен неоплатоников идет традиция отрицательного богословия, по которому Всевышнего вообще нельзя описать позитивным способом, он характеризуется исключительно через отрицательные признаки. Этот метод состоит в следующем: чтобы получить знание о Боге, лучше описать его в отрицательных терминах, через указание на то, что не является Богом, а не через попытки перечисления Его признаков. Никакой предикат не в состоянии выразить природу Бога, никакое слово в утвердительном смысле не может адекватно выразить Его суть. Почему? Любое подобное перечисление есть форма ограничения божьего всемогущества. Конечно, любой логик скажет, что такое определение исключительно через отрицательные признаки в принципе невозможно, хотя бы один признак должен быть положительным. А кто сказал, что сфера трансцендентного и чудесного в религии должна подчиняться логике мышления? Не зря же говорил Тертулиан: «Верую, ибо абсурдно». Поэтому, согласно апофатическому богословию: невозможно утверждать, что Всевышний существует в обычном смысле слова. Все, что мы можем утверждать – Он не является несуществующим. Нельзя также говорить, что Он один или их много; единственное, что мы можем утверждать, что в Нем нет никакого различия.

Таким образом, о Боге невозможны какие-либо утвердительные и позитивные суждения. Приписывать Богу нечто положительное – значит расширять Его сущность, прибавлять что-то к Его сути, то есть посягать на Его абсолютность. Следовательно, согласно апофатическому богословию, любые утверждения относительно Бога следует понимать в негативном смысле. Например, утверждение "Бог жив" означает только то, что Он не есть нечто неодушевленное. Это утверждение никоим образом не несет в себе того же смысла, который в нем содержится, когда мы говорим о человеке, что он живет. Свойство "жить" в применении к человеку и в применении к Богу – совершенно разные вещи, не имеющие между собой ничего общего, кроме названия. То же самое относится ко всем прочим атрибутам, которые описывают сущность Бога – мудрого, могущественного, обладающего волей. Все они должны пониматься как

перевернутые отрицания, утверждающие Его единство, потому что в отрицаниях нет множественности.

Сущность Бога, независимо от приписываемых Ему атрибутов, выходит за пределы человеческого понимания. Приписываемые Ему атрибуты не идентичны сущности Бога и не определяют Его. Он шире всего, что мы можем в принципе о Нем сказать. Все наше знание о Боге сводится к тому, что Он – есть.

Считается также повсеместной установка, согласно которой главное различие между монотеизмом и политеизмом заключается прежде всего в признании в качестве истинной какой-то одной религиозной парадигмы. Может быть, в историческом плане эта позиция была оправданной, но в современных условиях мультикультурализма такая установка не укладывается в метрику цивилизационного, культурного и духовного плюрализма⁴.

Сегодня одним из самых модных религиозоведческих терминов, раскрывающим современную духовную ситуацию, а также стратегию взаимодействия различных религиозных конфессий в многополярном мире, является понятие инклюзивности. Оно означает способность того или иного духовного образования включать в орбиту своего содержания иные культурные эпифеномены, а не противопоставлять себя другим, преодолевая таким образом, всеобщее социальное отчуждение и самоизоляцию.

Получается, что вся современная религия, исключая некоторые одиозные секты, в своей глубинной основе инклюзивна. Об этой самой инклюзивности хорошо говорит в ряде своих публикаций академик РАН, доктор философских наук, Директор института философии РАН А.В. Смирнов: условием истинности твоего вероисповедания является непременно признание ценности любого другого вероисповедания. Твое вероисповедание не истинно, если ты не признаешь истинность любого другого вероисповедания [11; 12, с. 50]. Эта инклюзивность подтверждается даже терминологически, совпадением этимологических смыслов основных религиозных понятий. Известно, что слово Аллах имеет древнеарамейские и древнесемитские корни и производно от «Иллях», а также от «Элоах», что в дословном переводе означает «Всесильный». Даже русское слово Бог, скорее всего, произошло от более древнего санскритского слова «Бхага», что переводится как «дающий блага». Разве это не подтверждение единства и непрерывности сути и содержания всех Священных писаний и всех пророков?

Почему же тогда получилось так, что контраст между монотеизмом и политеизмом был абсолютизирован? Ответ напрашивается сам собой: в этом были заинтересованы сами идеологи монотеизма. Действительно, для того, чтобы объявить свою религию истинной, надо было противопоставить ей все остальные, объявив их неистинными и не имеющими права на существование, что было осуществлено в историческом плане. Таким образом, дихотомия «монотеизм vs политеизм» была, как говорится, обеспечена.

Содержательные различия между монотеизмом и политеизмом

Возникает вопрос: если неприемлем «количественный» подход, имеет ли смысл подобное разделение? Если да, в чем же тогда выражаются различия между монотеизмом и политеизмом? Попытаемся ответить на эти вопросы.

В монотеистических религиях ангелы, архангелы, херувимы, серафимы, апостолы и святые не имеют самостоятельного бытийного статуса, своей свободной, самостоятельной воли и выполняют исключительно волю Бога. "Я ничего не могу творить сам от себя... ибо не ищу моей воли, но воли пославшего меня Отца" [1, Ин.

⁴ О проблеме истины в религии мы писали в статье: [Magomedov K.M. Проблема истины в науке и религии // *Исламоведение*. – 2016. – Т. 7, № 2 \(28\). – С. 46–59.](#)

5:30]. Это касается всех известных пророков. Даже Иисуса, как известно, имеющего статус сына Бога.

Основная черта политеизма есть признание самодостаточности во всех проявлениях божественного; т. е. в нем боги, духи, силы рассматриваются как самостоятельные сущности и проявления, обладают своей собственной свободой воли. Получается, что каждый Бог уникален, а каждая стихия, за которую ответственен Бог, не похожа на другую. В монотеизме же суть состоит не столько в том, что «существует только один Бог», и не в том, что «мой Бог – единственный», сколько в утверждении, что «Бог, который заявляет о себе во всех своих проявлениях, является единственным, и Ему я поклонюсь».

Таким образом, получается, что различия монотеизма и политеизма лишь в степени выраженности свободы всех звеньев, причастных к сверхъестественному и сверхсущему. Это верно потому, что ни один философски подкованный язычник не будет утверждать, что, если богов много, то они существуют сами по себе. И что самое интересное, идея единого (а не единственного) Бога не противоречит последовательному многобожию. Каждая грань Бога и есть Бог. Если при этом мы говорим о Всевышнем, то каждый Бог – это его ипостась, выразитель многого в Едином. Он – не Единственный, но входящий и составляющий Единое. Любая часть – это часть целого. Таким образом, принцип холизма, столь эвристический в современной методологии науки, в полной мере подходит и для выяснения диалектики Единого и единственного в богословии и религиоведении.

Можно выделить еще некоторые другие различия между политеизмом и монотеизмом:

– их часто различают как естественные и искусственные феномены. Наверное, доля истины в этом есть. Действительно, все политеистические верования, за исключением, может быть, современных духовно-религиозных конструкций, имеют естественное происхождение. Их генетическая, органическая связь с космосом, культурой, обычаями и пространством, занимаемым данным народом, очевидна. Монотеистические же религии имеют, как правило, искусственный характер. Они созданы сообществами людей с конкретными интересами и преследующими определенные политические и иные цели;

– отсюда проистекает еще одно различие политеизма и монотеизма – добровольность вхождения в религиозное братство для первого и насильственное внедрение – для второго. Во главе второго непременно стоял предводитель, пророк, чьи знания и умения, а часто хитрость и коварство способствовали обоснованию своей исключительности и единственности;

– монотеистический Бог является творцом всего бытия, и, что очень важно, из небытия. Без этого постулата, характерного и для иудаизма, и для христианства, и для ислама, рушится вся конструкция монотеизма; если допустить что-либо наряду с богом, значит, он не всемогущ, он не сотворил мир, а только определенным образом упорядочил его. Если есть один Бог, творец и держатель мира, то и весь космический строй, и все стихии мира одинаково подвластны ему. В конструкциях же политеизма Бог не рассматривается в качестве Демиурга – творца, создателя бытия. Это нам хорошо известно из истории античной культуры с олимпийскими богами;

– такой единый Бог-творец предполагает также беспрекословное подчинение всех тварей и людей божественной воле. В условиях же политеизма такой строгой субординации быть не может, хотя бы потому, что люди верят в различных богов, которые часто находятся друг с другом в весьма сложных, подчас в конкурентных и конфликтных отношениях;

– отсутствие претензий на свою исключительность, истинность и моральное превосходство и на особую роль в истории, характерную для политеизма. И

наоборот, претензия на исключительность, моральное превосходство и истинность в монотеизме: любое инакомыслие рассматривается как ересь, несовместимая с канонами своей веры;

– как правило, с организационной точки зрения все политеистические религии тяготеют к горизонтальной модели распространения в обществе, где каждый социум имеет свои духовные ценности и соответствующих им Богов-покровителей. Напротив, все монотеистические религии тяготеют к вертикальной, достаточно строгой и упорядоченной модели распространения в обществе;

– политеизм порождает общечеловеческую и индивидуальную веротерпимость и мультикультурализм, узаконенные конституциями всех цивилизованных стран. Вспомним мировую историю: В Египте, Риме, Греции мирно сосуществовали десятки религий, и не было никакого джихада, крестовых походов. Нет и не может быть одного пути к святости и совершенству, ибо «пути господни неисповедимы». Там, где находится такой единственный путь к святости и совершенству, ищите тоталитаризм и экстремизм в самых уродливых своих проявлениях.

Поэтому любой монотеизм при неправильной интерпретации его постулатов может стать базой для духовного и поведенческого экстремизма. Это было в истории всех без исключения религий: во времена крестовых походов и гонений на мусульман и еретиков, например, альбигойцев; военно-политических конфликтов между католиками и протестантами (Тридцатилетняя и гугенотские войны); противостояния Севера и Юга в Америке, сопровождавшегося геноцидом в отношении индейцев; армяно-турецкой войны в начале XX века; арабо-израильского, армяно-азербайджанского противостояний и др. Хотя имеет место и противоположная точка зрения, согласно которой, наоборот, политеизм объявляют деструктивным, нравственно ущербным, и для этого также приводятся веские доводы. Считается, что политеизм с его ортодоксией и идолопоклонством разрушителен для морали человека, социальных групп и общества в целом, так как способствует замещению добра злом, считая грехом всякое отступление от ритуальных и социальных правил, а не отказ от следования всеобщему нравственному императиву.

Дихотомия монотеизма и политеизма в религиоведении не устраивает исследователей, и они ищут искать иные формы их взаимодействия. Это, например, выражается в разделении самого монотеизма на подвиды: *супремотеизм* (от лат. *supremus* – высший, греч. *theos* – бог) – почитание многих богов, но при приоритетности одного; *генотеизм* (от греч. *hen* – один, первый) – признание существования множества богов, но почитание одного; *монолатрия* (с греч. *μόνος λατρεία* – один культ) – почитание какого-то одного бога, не сопровождающееся отрицанием существования других богов. Поскольку мы не видим существенных различий между этими религиозными подвидами, как и большинство исследователей, будем пользоваться вторым термином – генотеизм.

Генотеизм (Ф.М. Мюллер использует другой термин – *катенотеизм*) как переходную форму от политеизма к строгому монотеизму ученые исследовали достаточно давно. На наличие такого переходного или относительного монотеизма в качестве неперемного условия для единства человечества указывает Ф.В. Шеллинг. Согласно этому представителю немецкой классической философии, генотеизм является формой монотеизма, поскольку он признает одного Бога, но не по существенным, а второстепенным признакам. Поэтому он допускает существование и других богов. От генотеизма возможен переход как к строгому монотеизму, так и к политеизму. Часто встречающаяся в словарях и энциклопедиях формулировка об отношении генотеизма исключительно к политеистическим верованиям не совсем корректна и объективна.

Истории известно множество таких переходных или относительных форм монотеизма. Пожалуй, большинство из известных исторических форм религий представляют такую гибридную форму монотеизма. Особенно четко эта черта прослеживается в гимнах Ригведы, где призывается воздавать отдельному божеству отдельную молитву исключительного характера, но при этом не отвергая существования других богов. Такая молитва должна быть обращена только к одному, богу, который в данной ситуации является наиболее важным. В другой ситуации, возможно, потребуется обращение к другому божеству. Таким образом, молящийся приписывает все божественные свойства то одному, то другому божеству [2, с. 197–215].

Согласно другому подходу, монотеистические религии имеют две теоретические формы – инклюзивную и эксклюзивную. Согласно первой, инклюзивной форме монотеизма, Бог может иметь несколько божественных персонификаций, но при условии их объединения в центральном эгрегоре (этим «паранаучным» термином в современных нетрадиционных религиях и оккультных науках обозначается единое информационное и энергетическое поле, которое складывается из мыслей, устремлений, чувств и эмоций больших групп людей, объединенных общей идеей). Эксклюзивная же форма монотеизма наделяет Бога трансцендентными личностными качествами. Некоторые внутри монотеизма выделяют зрелое *теологическое* и раннее, *нетеологическое* единобожие, предполагающее возвышение в пантеоне богов какого-то одного главного бога над другими, второстепенными [8].

В науке и религиоведении основной вектор прогрессивного духовного развития идет от первобытного политеизма к монотеизму. Этот вектор является основным для так называемого морфологического (эволюционного) подхода к классификации религий (Э. Тейлор), основанного на идее, что религии в своей истории проходят несколько последовательных стадий развития, каждая из которых имеет определенные характеристики. Э. Тейлор выделяет следующие стадии: анимизм, культ предков, фетишизм, идолопоклонство, тотемизм, политеизм и монотеизм. Такая установка в целом отвечает логике общественного развития и поэтому является доминирующей.

Необходимо отметить и то, что религиозному духу в не меньшей степени соответствует обратный вектор восхождения – от первоначального монотеизма к историческому и современному политеизму. Согласно этой точке зрения, в момент зарождения человечества и творения первые люди (Адам и Ева, их дети) в течение многих веков были монотеистами, т. е. исповедовали веру в одного Бога, а языческие вероисповедания были им совершенно незнакомы. Но со временем Сатана обольстил людей и методом внушения подтолкнул их к ложному пути идолопоклонства, возвеличивания могил предков.

Как отмечается в Библии, причиной отхода людей от единобожия является первородный грех, после чего произошло отпадение людей от Бога. В результате, потеряв мощную нравственную опору и все глубже погружаясь в духовное невежество, люди стали бояться природы и начали искать способы защитить себя от чуждых и непонятных природных сил. Так в результате разложения монотеизма произошло возникновение язычества и политеизма.

О происхождении политеизма после монотеизма апостол Павел говорит следующим образом: «...Они (люди)... осуетились в умствованиях своих, и омрачилось неосмысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся...» [1, Рим. 1:21–23]. Этот политеизм проявился в обществе не только в форме веры людей в существование целого пантеона богов в потустороннем мире, но и в том, что в естественном, материальном мире каждый из этих богов имел свой вид и изображение – идолов. Таким образом, идолопоклонство

– это прямое следствие отказа от последовательного монотеизма и перехода к политеизму. Этот вывод очевиден, так как нечто может стать для человека идолом, если оно может быть поставлено на место истинного Бога и делается предметом поклонения.

Эта идея получила дальнейшее развитие в исламе. В коранической литературе имеются многочисленные описания того, как происходило сатанинское искушение. В сборнике достоверных хадисов имама аль-Бухари передается высказывание Ибн Аббаса, который прокомментировал следующий аят: «Они замыслили тяжкую хитрость и сказали: «Не отрекайтесь от ваших божеств: Вадда, Сувы, Йагууса, Йагуука и Насра». (В комментарии к нему он сказал: «Это имена праведных людей из народа Нуха (Ноя), когда же они умерли, Сатана сделал наущение их народу, чтобы они поставили их образы (памятники) там, где они обычно сидели, и назвали эти образы в соответствии с их именами. Их народ так и сделал, но ещё не стал им поклоняться. Однако, когда умерло это поколение и знание было забыто, люди стали поклоняться этим идолам») [10, 71:22–23]. И с этого времени люди стали язычниками и перестали поклоняться только Аллаху, и именно с этого момента стали посылаться посланники и Священные книги от Всевышнего Аллаха с призывом к единобожию.

Согласно исламу, Сатана до сих пор продолжает обольщать людей и сбивать их с истинной веры на путь ширка – многобожия и идолопоклонства. В Коране сказано: «И так будет до Судного Дня, Всевышний Аллах поведал нам слова дьявола: «За то, что Ты совратил меня, я непременно засяду против них на Твоём прямом пути, а затем я буду подходить к ним спереди и сзади, справа и слева, и Ты не найдёшь большинство из них благодарными» [3, 7:16–17].

Заключение

Есть ли вектор восхождения в религиозной динамике? В традициях религиоведения имеют место достаточно противоречивые версии духовной динамики общества. Большинство исследователей придерживается классической позиции, согласно которой духовный процесс шел от политеизма к монотеизму. Например, в гегелевской философской системе формированием религий духа, к которым относятся монотеистические верования, как бы завершается мировой религиозный процесс. В классификации О. Конта развитие также предстает в подобной направленности: фетишизм, политеизм и монотеизм. Марксистская методология диалектико-материалистического понимания истории и религии также считает, что религиозный процесс шел от политеизма к монотеизму. Поэтому монотеизм провозглашается вершиной эволюции религиозной жизни человечества, целью и смыслом духовного развития.

Противоположная исследовательская позиция, в соответствии с которой вектор развития религии идет от монотеизма к политеизму, а не наоборот, как мы видели выше, существует в литературе так же давно, и у нее не меньше сторонников [4, с. 46–82]. Например, согласно концепции «прамонотеизма» В. Шмидта конструкция множественного бога – это более позднее духовное обретение человеческого развития.

Нам представляется, что в сфере религиозного опыта и символического видения мира вообще невозможно провести какой бы то ни было (прогрессивный или регрессивный) вектор. В большинстве же учебников по религиоведению переход от политеизма к монотеизму оценивается как важный для судеб человечества духовный скачок. Это связано с тем, что многие ученые остаются до сих пор стихийными или даже сознательными сторонниками прогресса в религиозной сфере в понимании Гегеля или Тейлора. А при таком взгляде политеизм как низшая форма развития должен предшествовать монотеизму как форме более высокой. Поскольку древнее

Египта и Шумера исторических сообществ нет, то где еще, как не в долинах Нила и Евфрата III тысячелетия до р. х., искать политеизм?

Сторонники «регрессистской» позиции также приводят свои весомые аргументы. Например, считается, что язычество, если можно так выразиться, более демократично, больше отвечает духу свободной личности и меньше ее ограничивает, слабее контролирует весь образ жизни человека. Опять-таки многобожие спокойно относится к практике целительства, колдовства, магии, т. е. всему тому, что в современном обществе называют модной парапсихологией.

Наверное, с многими такими аргументами можно и нужно согласиться. Но в целом все-таки подобная одномерная, линейная метрика прогресса или регресса не всегда корректно применима к вопросам человеческого духа. Как и вообще, мыслить по принципу «или-или», в соответствии с формально-логическими законами противоречия и «исключенного третьего» в религии и религиоведении, как мы уже отмечали, – тупиковый путь. В этом, пожалуй, сторонники постмодернизма абсолютно правы.

Литература

1. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета / синодальный перевод. – М.: Российское Библейское общество, 2013.
2. Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1 / пер. с англ., нем., фр.; сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М.: Канон+, 1996.
3. Коран / пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. – М.: СП ИКПА, 1990. – 512 с.
4. Лэнг Э. Становление религии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 2. – М.: Канон+, 1998.
5. Моше бен Маймон (Маймонид). Путеводитель растерянных / изд. подготовил М.А. Шнейдер. – М.: Мосты культуры, Иерусалим: Гешарим. – 2010. – 589 с.
6. Муртаза Мутаххари. Исламское мировоззрение [Электронный ресурс] // Litresp.ru.
7. Нанси Ж.-Л. Деконструкция монотеизма. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. – 39 с.: ил.; 20 см. – (Зарубежные ученые в РГГУ).
8. Полякова А. Монотеистические религии. Понятие «монотеистическая религия» / FB.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: <http://fb.ru/article/161033/monoteisticheskie-religii-ponyatie-monoteisticheskaya-religiya>.
9. Ратцингер Й. Значение религиозных и нравственных ценностей в плюралистическом обществе; пер. с нем. В.В. Янцена // Вопросы философии. – 2016. – № 4. – С. 6–14.
10. Саких аль-Бухари. Энциклопедия достоверных хадисов. / Hadis.info [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: <http://hadis.info/sborniki-xadiso/saxix-al-buxari/>.
11. Смирнов А.В. Истина в арабо-мусульманской философии // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2000–2001.
12. Смирнов А.В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочесть исламское наследие // Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. – М.–Махачкала, апрель 2015 г. – М.; Махачкала: Дельта-пресс, 2015. – С. 43–54.
13. Фролова Е.А. Средневековая арабская философия: Проблемы и решения. – М.: Изд-во восточной литературы РАН, 1998. – 527 с.

References

1. Bibliya. Knigi Vetkhogo i Novogo Zaveta. Sinodal'nyi perevod. [The Bible. The Books of the Old and New Testament] Moscow. Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo, 2013.

2. *Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya*. [Classics of World Religious Studies. Anthology]. Vol. I / Per. s angl., nem., fr. Sost. i obshch. red. A.N. Krasnikova. – Moscow. Kanon+, 1996.

3. *Koran*. [Quran] Per. s arab. akad. I.Yu. Krachkovskogo. – Moscow. SP IKPA, 1990. 512 s.

4. Leng E. Stanovlenie religii [The Origins of Religion] *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya*. [Mysticism. Religion. Science. Classics of World Religious Studies. Anthology.] Vol. 2. Moscow. Kanon+, 1998.

5. Moshe ben Maimon (Maimonid). *Putevoditel' rasteryannykh*. [The Guide for the Perplexed.] / izd. podgotovil M.A. Shneider. Moscow, Mosty kul'tury»; Ierusalim: «Gesharim». 589 s.

6. Murtaza Mutahhari. *Islamskoe mirovozzrenie* [Islamic Worldview]. [Elektronnyy resurs] // Litresp.ru.

7. Nansi Zh-L. *Dekonstruksiya monoteizma*. [The Deconstruction of Monotheism.] Moscow. Ros. gos. gumanitar. un-t, 2004. – 39 s.: il.; 20 sm. – (Zarubezhnye uchenye v RGGU).

8. Polyakova A. *Monoteisticheskie religii. Ponyatie «monoteisticheskaya religiya»* [Monotheistic Religions. The Concept of "Monotheistic Religion"] / FB.ru [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: otkrytyi. URL: <http://fb.ru/article/161033/monoteisticheskie-religii-ponyatie-monoteisticheskaya-religiya>.

9. Rattsinger I. *Znachenie religioznykh i npravstvennykh tsennostei v plyuralisticheskom obshchestve* [The Role of Religious and Moral Values in a Pluralistic Society] / Iozef Rattsinger; per. s nem. V.V. Yantsena // *Voprosy filosofii*. 2016, № 4. S. 6–14.

10. Sakikh al'-Bukhari. *Entsiklopediya dostovernykh khadisov*. [Encyclopedia of Authentic Hadith.] / Hadis.info. URL: <http://hadis.info/sborniki-xadisov/saxix-al-buxari/>.

11. Smirnov A.V. *Istina v arabo-musul'manskoi filosofii* [The Truth in the Arab-Muslim Philosophy] *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4-kh t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes] / preds. Nauchno-red. Soveta V.S. Stepin. Moscow, 2000–2001.

12. Smirnov A.V. *Klassicheskii islam i sovremennyy Dagestan: kak mozhno segodnya prochitat' islamskoe nasledie* [Classical Islam and Contemporary Dagestan: How Can One Read the Islamic Heritage Today] *Problemy rossiiskogo samosoznaniya: istoricheskaya pamyat' naroda. Materialy 12-i Vserossiiskoi konferentsii*. [Problems of Russian Identity: Historical Memory of the People. Proceedings of the 12th all-Russian conference.] Moscow-Makhachkala, April 2015. – Moscow, Makhachkala: Del'ta-press, 2015. S. 43–54.

13. Frolova E.A. *Srednevekovaya arabskaya filosofiya: Problemy i resheniya*. [Medieval Arabic Philosophy: Problems and Solutions.] Moscow. Izd-vo vostochnoi literatury RAN, 1998. – 527 s.